

Дискуссионные вопросы в истории Смуты начала XVII в.

© Д.В. Лисейцев

Институт российской истории РАН, Москва, 117036, Россия

Рассмотрены дискуссионные вопросы истории Смутного времени. Проанализированы правомочность употребления терминов «крестьянская война», «интервенция», «гражданская война» для обозначения событий российской истории начала XVII в. По мнению автора, события Смутного времени не смогли существенно изменить характер российской государственной системы. Основным вектором ее эволюции остался курс на укрепление абсолютистских тенденций.

Ключевые слова: *Смутное время, история России XVII века, формирование абсолютизма.*

История Смутного времени в России XVII в. давно привлекала внимание отечественных и зарубежных исследователей. Недавние юбилейные торжества (празднование в 2012 г. 400-летия освобождения Москвы, а в 2013 г. — 400-летия Земского собора 1613 г.) не только обострили интерес к российской истории начала XVII в., но и перенесли проблемы, ранее обсуждаемые только учеными, в русло публицистических сочинений и политологических конструкций, зачастую весьма далеких от академической науки. Теперь, когда «юбилейная волна» схлынула, унося с собой легковесное и сиюминутное, можно подвести промежуточные итоги научного изучения Смутного времени.

В первую очередь необходимо рассмотреть научную терминологию, которой оперируют исследователи российской истории начала XVII в. Современники дали событиям того времени емкое и удачное название — «Смута» (с вариантами — «безгосударное время», «московское разорение», «шаткое и беспутное время»). Постепенно факт соответствия термина «Смута» описываемым им событиям был забыт учеными, и в исторической литературе надолго закрепилось мнение В.О. Ключевского, который полагал, что оборот «Смутное время» стал бытовать в обиходе исследователей с легкой руки Григория Котошихина. Версия об авторстве Котошихина, или, более широко, о выдвигании термина «Смута» «русской исторической мыслью» XVII в., присутствует в историографии и сейчас [1, с. 137; 2, с. 3, 7; 3, с. 3]. Однако источники начала XVII в. свидетельствуют о том, что понятие «Смута» использовалось непосредственно во время

бурных событий начала XVII столетия; его происхождение — отнюдь не литературное, оно постоянно присутствовало в обиходной речи людей того времени.

События Смуты воспринимались их современниками как наказание «за грехи всего христианства»; этот мотив постоянно звучит в источниках начала XVII столетия. Так, в конце 1614 г. английскому послу было сказано: «Ведомо, что за грех всего православнаго христьянства, а по злому умыслу польского Жигимонта короля во всех наших великих Росийских государствах смута и рознь была». Злой умысел политической элиты сопредельной Речи Посполитой звучит одним из основных мотивов в истолковании событий начала XVII в. русскими современниками: «По грехом в Росийском государстве учинилась полского короля и панов его рад умышленьем смута и рознь» [4, л. 148–149, 218 об.]. Важной составляющей Смутного времени, по мнению современников, был династический кризис, вызванный пресечением царского рода Рюриковичей: «После блаженные памяти царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси на Московском государстве были не природные государи, и потому в Московском государстве и смуты учали быти, и многие воры назывались государскими детьми» [5, л. 1]. Одним из наиболее ощутимых проявлений Смуты стало самозванство, что также нашло отражение в высказываниях современников: «А в те поры в Московском государстве была смута: стоял под Московским государством вор тушинской» [6, л. 5]. Отлично осознавалась и социальная сторона Смутного времени. В числе наиболее активных участников и «заводчиков» Смуты выступали казаки. Казачий атаман Иван Заруцкий, по словам дьяков Посольского приказа, «взяв с собой прежних ведомых воров ... которые... по заводу воров-казаков называлися государскими детьми ложно ... збежал... А к ним... пристали прежние их советники воры, которые воровали в смутное в безгосударное время и воров государскими детьми называли ложно» [4, л. 44–46]. Социальное происхождение казачества в Москве представляли совершенно конкретно: «Казаки-воры, беглецы, которые за воровство приговорены к казни, а иные — холопи боярские, и от того, збежав, воруют. И тех воров, сыскивая, побивают и вешают» [7, л. 195]. Но, помимо обвинения в разжигании Смуты выходцев из социальных низов, люди осознавали и долю ответственности дворянства, самоуправно сводившего у своих соседей крестьян и холопов: «Дворяне и дети боярские в нынешнее смутное время и в разоренье вывозили у своей же братьи, у дворян и у детей боярских, крестьян и людей» [8, с. 38].

Итак, уже современники обозначали события начала XVII в. понятием «Смута», вкладывая в него значение глубокого социально-экономического и политического кризиса. Возвращение этого термина в историческую науку в последние десятилетия представляется вполне оправданным. Одновременно из научных работ стали вытесняться понятия, заменившие в свое время советским ученым оборот «Смутное время»: крестьянская война и польско-литовская интервенция начала XVII в. Трактовка событий начала XVII в. как крестьянской войны вызвала обоснованную критику исследователей уже в середине 1980-х годов: справедливо отмечалось, что свести все многообразие событий тех лет к противостоянию крестьян дворянству невозможно. Смутное время разделило российское общество не по горизонтали (социальные верхи и низы), а по вертикали, поскольку в противоборствующих лагерях оказались представители одних и тех же сословий и чинов, от боярства до крестьян и холопов. Представляется, что подобный взгляд на события Смуты ближе к реальности, нежели искусственная схема крестьянской войны под руководством Ивана Болотникова. Однако необходимо констатировать еще одно обстоятельство. Смена концепций, произошедшая в отечественной историографии в последние два десятилетия, привела к определенным перекосам. Отказавшись трактовать события, протекавшие в России начала XVII столетия, как крестьянскую войну, перейдя к рассмотрению Смуты как первой в истории России гражданской войны, ученые стали порой игнорировать очевидный факт присутствия и «классовых противоречий» между участниками этой гражданской войны.

Сегодня увеличивается внимание исследователей к роли и месту дворянства, в том числе провинциального, в событиях начала XVII в. Но следует помнить, что и крестьянство принимало в событиях Смуты активное участие на всех ее этапах, начиная с выступления крестьян Комарицкой волости в 1604–1605 гг. и восстания Ивана Болотникова в 1606–1607 гг. и заканчивая мощным казачьим движением первых лет царствования Михаила Федоровича. В рядах казачества, ставшего в годы Смуты серьезной социальной и военно-политической силой, были представлены выходцы из разных общественных слоев, и немалую часть казаков того времени составляли беглые крестьяне и холопы. Характерным является решение, принятое мятежными казаками атамана Баловня летом 1615 г. под Москвой: «Будет деи государь велел бы розбирати, которые были в козаках боярские люди или крестьяня, и им деи было за то помереть всем заодин, и итти по городом, а иным на Дон, а приговор деи у казаков был в Пушкине, которые боярские люди были в казаках, а учнут отъезжати к государю к Москве, и тех деи казаков вешати» [9, л. 486]. Крестьяне и холопы, взявшиеся в годы Смуты за оружие, возвра-

щаться в прежнее состояние не желали и готовы были отстаивать свой новый статус силой того же оружия. Принципиально важно учитывать это обстоятельство. Отрицать наличие в Смуте серьезных классовых или межсословных противоречий — значит впадать в крайность, способную увести от верного понимания сущности протекавших в стране четыре столетия назад процессов дальше, чем это сделало в свое время принятие отечественной наукой концепции крестьянской войны.

Сложнее обстоит вопрос о применении к событиям начала XVII в. понятия «интервенция». Очевидно, что нельзя говорить о польско-шведской интервенции, поскольку Речь Посполитая и Швеция находились в то время в состоянии войны между собой, поэтому согласованных действий этих держав против России не было. Споры вызывает применимость самого термина «интервенция», в последние годы неоднократно предлагалось исключить это понятие из обихода ученых, изучающих Смутное время, и заменить его другими, например «русско-польская война». Однако вопрос об использовании термина «интервенция» применительно к событиям российской истории начала XVII в. нельзя решать столь однозначно. Обыкновенно «интервенцию» определяют как «вмешательство одного государства во внутренние или внешние дела другого» [10, с. 278]. Соответствует ли политика Речи Посполитой или Швеции в отношении Московского государства в начале XVII в. этому определению? В 1604–1605 гг. Речь Посполитая официально не объявляла войны Московскому государству. Однако польский король не только не препятствовал набору Лжедмитрием I войск в Польшу и использованию территории Речи Посполитой в качестве плацдарма для нападения на Россию, но отчасти даже финансировал поход самозванца. Это вполне вписывается в понятие «скрытая интервенция». Лжедмитрия II, напротив, король Сигизмунд III поддерживать категорически отказывался; многочисленные подданные Речи Посполитой действовали под знаменами «тушинского вора» на свой страх и риск. Вторжение армии Речи Посполитой в 1609 г. под Смоленск укладывалось в понятие «война». Но начав в 1610 г. переговоры с политическими противниками Василия Шуйского о возведении на российский престол польского королевича, а затем и себя самого, король Речи Посполитой перешел к вмешательству во внутренние дела России. Этот пример наиболее ярко показывает, насколько тонкой была грань между «войной» и «интервенцией». Равным образом, захват шведскими войсками в 1611 г. Великого Новгорода с последовавшим навязыванием новгородцам кандидатуры шведского принца в качестве нового государя всея Руси были несомненными актами интервенции. Отказ от подобного рода политических притязаний в пользу территориальных, последовавший

в 1614–1615 гг., плавно превратил шведскую интервенцию в русско-шведскую войну. Учет этих соображений не позволяет отказаться от употребления в характеристике событий Смутного времени понятия «интервенция», хотя и заставляет использовать его более корректно.

Спорным остается и вопрос о хронологических рамках Смутного времени. Нередки попытки найти истоки кризиса в событиях предшествующего XVI столетия и, в частности, в деятельности царя Ивана Грозного. Корни такого взгляда на природу Смуты уходят в иностранные источники XVII в., авторы которых нередко изображали Смутное время начала XVII в. либо как прямое продолжение кровавых дел «Тирана Васильевича», либо как отсроченное божественное воздаяние за грехи этого монарха. Характерным примером являются слова англичанина Джерома Горсея, покинувшего Россию в 1591 г., но не преминувшего продолжить рассказ о событиях, которым лично был свидетелем, повествованием о Смуте, ставшей в его трактовке «несомненным доказательством того, что божий справедливый суд постигает деяния злобы и коварства проливающих невинную кровь во времена удушающей тирании» [11, с. 132]. Однако русские очевидцы Смуты не искали причины ее возникновения в деяниях Ивана Грозного. Даже наиболее критично относившийся к Ивану IV автор начала XVII в. дьяк Иван Тимофеев воздержался от подробного описания неблагоприятных дел самодержца, написав, что это «дело не моей худости и дерзости... не следует низшим людям много говорить о царствующих и без стыда сообщать, если в них что было и порочно; ибо лучше неблагоприятие царского поведения покрывать молчанием, как одеждою» [12, с. 179]. Тем не менее иностранные источники показались многим российским исследователям Смутного времени более убедительными. В трудах наиболее авторитетных авторов, в том числе С.Ф. Платонова, утвердилась точка зрения о том, что причины Смуты следует искать в событиях царствования Ивана Грозного, после смерти которого в России начался первый (династический) этап Смутного времени (боярская смута) [13, с. 142, 143].

Нередко началом Смуты объявляют момент пресечения царской династии Рюриковичей и воцарения первого избранного Земским собором царя — Бориса Годунова [14, с. 212]. В известной степени на эту точку зрения работают российские нарративные источники, написанные в массе своей уже по завершении Смутного времени. Авторы этих сочинений виновником Смуты склонны считать «властолюбца» Бориса Годунова, за грехи которого, равно как и за «безумное молчание» его подданных, Московское царство было наказано длительными потрясениями. Особенно четко эта линия прослеживается в сочинении келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына [15, с. 104]. Однако ни в одном из литературных па-

мятников XVII столетия не обнаруживается утверждения о том, что Смута в России началась сразу вслед за избранием на престол Бориса Годунова. Нарративные источники, равно как и приказное делопроизводство, актовый материал и челобитные частных лиц вполне солидарно связывают начало Смуты с появлением в пределах России отрядов Лжедмитрия I.

Имеются расхождения во мнениях историков и в определении времени завершения Смуты. В качестве основных вариантов называют обыкновенно 26 октября 1612 г. (освобождение Кремля от польско-литовского гарнизона), 21 февраля 1613 г. (избрание Земским собором на престол Михаила Федоровича Романова), а также 1 декабря 1618 г. (подписание в деревне Деулино близ Троице-Сергиева монастыря перемирия между Россией и Речью Посполитой). Анализ источников начала XVII в. показывает, что событием, подведшим черту под Смутой, современники считали «королевичев приход» — поход польско-литовских войск на Москву в 1618 г. Само выражение «Смутное время» или «Смута» даже авторы официальных документов употребляли вплоть до осени 1618 г. Равным образом, зарубежные и российские очевидцы событий, написавшие сочинения о Смутном времени, доводили повествование, как правило, до 1618–1619 гг. Обычно они ставили точку на времени возвращения из польского плена отца царя Михаила Федоровича, патриарха Филарета Никитича (14 июня 1619 г.), с именем которого связывали восстановление твердой государственной власти в стране. Авраамий Палицын, в частности, определял, что Смута продолжалась 14 лет: «И до четырехнадесяти лет, оттоле же смятение бысть во всей Руской земле» [15, с. 106]. Эти 14 лет укладываются в промежуток времени от 1604–1605 гг. (вторжение в Россию войск Лжедмитрия I) до 1618–1619 гг. (заключение Деулинского перемирия и возвращение в Москву патриарха Филарета) [16, с. 43–54].

Действительно, простого обзора событий, выпавших на первые годы царствования Михаила Федоровича, достаточно, чтобы признать: Смута продолжалась после избрания нового царя на протяжении еще нескольких лет. Свидетельство тому — действия атамана Заруцкого на юго-востоке страны, казачьи мятежи в северных и центральных уездах Московского царства, восстание казанских инородцев на востоке, продолжавшаяся на западных рубежах война с Речью Посполитой и Швецией (отметим, что претендовавшего на русскую корону польского принца поддерживало изрядное количество русских людей). События 1613–1618 гг. в целом мало изучены в отечественной и зарубежной историографии. Виной тому — господствовавшее долгое время представление о прекращении Смутного времени с избранием на престол Михаила Романова. Детальное изучение

событий первых лет царствования этого монарха — одно из перспективных направлений научного поиска.

Еще один вопрос, нуждающийся в анализе, связан с результатами Смутного времени. В исторической науке превалирует точка зрения, согласно которой Смута в корне изменила Московское царство. С.Ф. Платонов, в частности, писал: «Во всех своих мероприятиях новая московская власть стремилась к тому, чтобы вернуться к старому порядку... Она пока не чувствовала, что Смута уже навсегда опрокинула этот старый порядок и что грядущая жизнь должна строиться заново, на сочетании старых основ с новыми элементами» [17, с. 63]. С другой стороны, со времени поздней перестройки в научно-публицистических работах стали высказываться определенные сожаления относительно упущенных в эпоху Смуты возможностей «ростков гражданского общества»: в России восторжествовала деспотическая альтернатива, восходившая ко времени Ивана Грозного. Смуту нередко называют эпохой нереализованных альтернатив, главной из которых была упущенная страной возможность двинуться иным историческим путем, подразумевавшим ограничение самодержавной власти царей Земскими соборами и Боярской думой. Обыкновенно идею возможности «иного пути» российской истории связывают с так называемой крестоцеловальной записью Василия Шуйского, а также с двумя договорами 1610 г., подписанными польским королем сначала со сторонниками Тушинского вора, а затем с московским правительством — семибоярщиной (договор тушинцев с поляками даже именуют первым конституционным проектом в истории России). Во всех трех случаях предусматривалось ограничение царской власти в пользу Боярской думы и Земских соборов [1, с. 159–161; 18, с. 69; 19, с. 240–258].

Однако конституционный проект 1610 г. так и остался проектом, равно как и обещания Василия IV остались лишь обещаниями. Между тем идея нереализованной альтернативы продолжает волновать умы ученых и публицистов и сегодня. По мнению В.Б. Кобриня, «независимо от личных качеств царя Василия его царствование... могло стать началом хороших перемен в политическом строе Русского государства... В самом же ограничении самодержавия, хотя бы и в пользу бояр, нет ничего дурного: ведь именно с вольностей английских баронов начинался английский парламентаризм. Вряд ли необузданный деспотизм лучше, чем правление царя совместно с аристократией... Запись Шуйского была первым, робким и неуверенным, но шагом к правовому государству» [20, с. 175, 176]. Но в таком случае следует ответить на вопрос о том, почему констатируемые исследователями возможности не получили развития, почему «элементы правового государства, ростки которых зарождались в Смутное время, были забыты надолго» [20, с. 185].

Существовала ли реальная альтернатива, которая могла быть противопоставлена сильной монархической власти? С одной стороны, в Смутное время за полтора десятка лет на престоле сменилось пять монархов, из которых трое были низложены (а двое при этом убиты). Вряд ли это способствовало укреплению царской власти. Но, с другой стороны, в годы Смуты нельзя обнаружить признаков усиления позиций Боярской думы или Земских соборов, т. е. тех политических институтов, которые мы традиционно считаем ограничивающими самодержавие русских царей. Боярская дума продолжала выполнять свои прежние функции, а думные чины, как и ранее, занимали ключевые посты в руководстве столичными приказными учреждениями (во главе 4/5 приказов стояли думцы в чинах от думного дьяка до боярина) [21, с. 60; 22, с. 207; 23, с. 195–199; 24, с. 663–686]. Авторитет бояр оставался в обществе высоким, и именно в их руках оказалась сосредоточена верховная власть в 1610 г., после низложения Василия Шуйского. Однако нет оснований говорить о существенном усилении позиций Боярской думы. Появившееся относительно недавно в историографии предположение о том, что Лжедмитрий I предпринял попытку реформировать Боярскую думу по образцу польского Сената, действительности не соответствует. Вся реформа была сведена к переименованию (причем очень недолговременному) Думы в Сенат, а также к существенному увеличению численности членов Боярской думы [25, с. 155–159; 26, с. 165–166; 27, с. 109]. Впрочем, колебания в численности состава Думы были обычным явлением для начала каждого нового царствования. Заметный рост состава Боярской думы (примерно на треть) наблюдался в начале царствования Бориса Годунова. Со временем численность думцев возвращалась к исходным показателям и к концу Смуты стабилизировалась на прежнем уровне — около четырех десятков человек [26, с. 227–240; 28, с. 64, 66; 29, с. 342; 30, с. 1–24; 31, с. 310–313; 32, с. 84–85, 88–89, 94–95; 33, с. 138–139]. Правда, существенно (на треть) обновился перечень семейств, выходцы из которых имели представительство в Боярской думе. Тем не менее в большинстве своем это были представители княжеских семейств, хотя порой и захудалых (наиболее видным из них оказался князь Д.М. Пожарский). Появление среди думцев простолюдина Кузьмы Минина было исключительным случаем (и при том очень краткосрочным — Минин умер думным дворянином на третий год пребывания в этом чине).

Вопрос о месте Земских соборов в государственной жизни Московского царства начала XVII в. еще нуждается в специальном исследовании. После выхода классической работы Л.В. Черепнина в историографии возникла точка зрения, согласно которой 1613–1622 гг. стали временем расцвета соборной практики, поскольку не утвер-

дившаяся прочно на престоле династия Романовых нуждалась в обеспечении широкой поддержки в разных социальных слоях. Вместе с тем Черепнин признал, что в истории земского представительства конца XVI — начала XVII в. «еще много неясного» [34, с. 166, 216]. Действительно, сведений о работе Земских соборов в этот период сохранилось на удивление мало, а указания источников, к которым апеллируют исследователи, довольно часто выглядят не вполне убедительно. Не вызывает сомнений функционирование Земского собора в 1613 г.: сохранились принятые им документы, грамоты, разосланные по городам в январе 1616 г., в которых содержалось распоряжение присылать людей для участия в Земском соборе (работавшем в феврале — марте 1616 г.), имеются сведения о присланных выборных для участия в работе собора.

Относительно работы прочих соборов эпохи Смуты имеются серьезные сомнения. До наших дней не дошли ни царские грамоты с распоряжением прислать на эти соборы выборных, ни бесспорные акты этих соборов, ни челобитные их участников. Заключение о работе соборов данного периода нередко делается с опорой на довольно туманные упоминания в документах. Чаще всего это фрагменты царских грамот, в которых сообщается о принятии того или иного решения царем с совета «всего освященного собора, и царского величества бояр и окольных, и всяких людей всех городов». Однако апелляция к авторитету Земского собора вовсе не означала того, что он собирался на самом деле. Яркий пример тому — утверждения в рассылавшихся из Москвы в 1606 г. грамотах о том, что Василий Шуйский якобы был избран на престол Земским собором. Перечисление представителей различных социальных слоев как участников того или иного события не означает, что речь здесь обязательно должна идти о Земском соборе. Порой поражают сроки, в течение которых московские власти успевали организовать собор в столице: известны случаи, когда он принимал решение уже на следующий день после царского распоряжения о его созыве. Попытки объяснить подобную оперативность тем, что Земский собор мог заседать непрерывно по несколько лет кряду, при отсутствии других документальных свидетельств представляются неудачными [34, с. 224, 227, 228; 35, стб. 354, 355]. Имеющиеся в нашем распоряжении факты не позволяют утверждать, что Земские соборы в годы Смуты стали собираться чаще обыкновенного или заседали без роспуска на протяжении длительного срока. Не изменился и политический вес Соборов, которые, как и ранее, продолжали утверждать решения царского правительства, что, впрочем, не означает того, что царское правительство не интересовалось мнением подданных. Примером может служить совещание бояр с торговыми людьми в 1617 г. по поводу

прошения английских купцов предоставить им право свободного проезда в Персию [36, с. 150–155].

Ни Боярская дума, ни Земские соборы не заняли в годы Смуты более видного места в политической системе Московского царства, нежели имели ранее, до начала XVII в. Других структур, способных сыграть роль противовеса традиционно сильной, самодержавной власти русских царей, в Московском царстве не было, за исключением, пожалуй, Русской православной церкви. Однако церковь в годы Смуты тоже не смогла сыграть самостоятельной политической роли, а высшие церковные иерархи далеко не всегда являли собой в то время образцы нравственности и политической стойкости. Самоотверженному служению патриарха Гермогена были синхронны отступничество патриарха Игнатия и более чем неоднозначное в политическом смысле поведение митрополитов Филарета Ростовского, Исидора Новгородского или троицкого келаря Авраамия Палицына. Теократическая альтернатива самодержавию, следовательно, тоже не была реальной перспективой развития российской государственности. Более поздняя ситуация, когда фактическим главой Московского государства стал патриарх Филарет Никитич, являла собой скорее не пример теократического варианта развития страны, а все ту же самодержавную власть, оказавшуюся в силу субъективных обстоятельств в руках политика, насильственно постриженного в монахи.

Сама мысль о возможности ограничения царской власти не вызвала отклика у подданных русских царей. Неожиданный порыв Василия Шуйского дать клятву своим подданным править в соответствии с законностью, а не с собственным произволом, вызвал осуждение даже в среде его ближайшего окружения: «Бояре же и всякие людие ему говорили, чтоб он в том креста не целовал, потому что в Московском государстве тово не повелося» [18, с. 69]. Попытки ограничения царской власти, зафиксированные в договорах с польским королем в 1610 г., по справедливому предположению Б.Н. Флори, формировались под сильным влиянием контактов тушинцев с польско-литовской шляхтой [37, с. 124]. Однако эти заимствованные политические идеи не могли оказать существенного влияния на российское общество. Поляк Самуил Маскевич, свидетель и участник событий Смуты, отметил, что попытки поляков убедить «москвитов» приобрести свободу польского образца не встретили у последних понимания. Русские собеседники поляков отвечали: «Вам дорога ваша воля, нам неволя. У вас не воля, а своеволие: сильный грабит слабого... У нас, напротив того, самый знатный боярин не властен обидеть последнего простолюдина: по первой жалобе царь творит суд и расправу. Если же сам государь поступит неправосудно, его власть: как Бог, он карает и милует. Нам легче перенести обиду от

царя, чем от своего брата, ибо он владыка всего света» [38, с. 57]. Таким образом, несмотря на бурные события Смутного времени, идея сильной царской власти не была дискредитирована в сознании подданных Московского царства. Политическим идеалом оставалась консервативная идея восстановления старых порядков — «как при прежних великих государях бывало».

Означает ли это, что Смутное время не произвело никаких перемен в жизни российского общества? Утверждать подобное было бы неправильно. Смута дорого обошлась и народу, и государству. Нельзя забывать об огромном количестве погибших, угнанных в плен и просто «безвестно» разбредшихся подданных Московского царства. В руинах лежали многие города, опустели деревни, зарастали лесом вчерашние пашни — подобными картинами изобилуют писцовые и дозорные книги начала XVII в. Западная граница России была отодвинута на восток, будучи возвращена, по сути, к состоянию на начало XVI столетия. Впрочем, эти последствия Смутного времени при всей их тяжести были преодолимы: к 1630-м годам в целом была стабилизирована экономическая ситуация, и правительство первого Романова уже предприняло первую, хотя и неудачную, попытку взять реванш за поражение в войне с Речью Посполитой. Через полвека после заключения Деулинского перемирия Московское царство возвратит себе земли, уступленные Польше на выходе из Смуты, и, в свою очередь, начнет теснить западного соседа.

Более труднопреодолимыми, хотя на первый взгляд и не такими заметными, оказались изменения в сознании русских людей XVII в. Власть новой царской династии утратила в их глазах изрядную долю своей прежней святости и непогрешимости, поскольку Смута за короткое время успела продемонстрировать россиянам и царя-цареубийцу (вне зависимости от того, был ли на самом деле Борис Годунов виновен в смерти царевича Дмитрия), и царя-самозванца, и царя-самовенечника. Москва видела убитого царя, а также царя, насильственно сведенного с престола и постриженного в монахи. Наконец, люди были свидетелями буйной казачьей вольницы, дававшей закрепощаемому населению страны последний шанс сохранить личную свободу. Безусловно, «московский народ вышел из Смуты материально разоренным и духовно потрясенным» [17, с. 63]. Московское же государство, также выйдя из Смуты материально разоренным, тем не менее стремилось восстановить систему государственности в прежнем, неизменном виде. И, нужно признать, оно вполне преуспело в этом деле: по верному замечанию Н.П. Павлова-Сильванского, «Московское государство времени царя Алексея Михайловича по главным началам своего строя не отличается от государства времен Иоанна Грозного» [39, с. 131]. Однако это государ-

ство имело теперь дело с другим, «духовно потрясенным» народом, и это обстоятельство, как кажется, не в последнюю очередь способствовало тому, что XVII столетие вошло в нашу историю под названием «бунташного века».

В противостоянии между традиционно самодержавной властью и «духовно потрясенным» народом победителем вышла власть. И, что интересно, именно народ вел власть к победе в этом противостоянии, собирая ополчения ради восстановления самодержавной монархии, соглашаясь платить экстраординарные налоги для возрождения государственного аппарата. Восстановив чиновную структуру и фискальную систему, народ спустя некоторое время поднимался на борьбу против «непосильных поборов» и «административного произвола». В той или иной форме этот конфликт неоднократно возобновлялся на протяжении следующих столетий российской истории, всякий раз в конечном счете приводя к торжеству жесткой, авторитарной модели власти. Сильная власть, подобно мифическому фениксу, вновь и вновь возрождалась из пламени бунтов и смут. Причины этого феномена российской государственности — тема отдельного научного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Ключевский В.О. *Русская история. Полный курс лекций. Кн. 2.* Москва, Мысль, 1995, 584 с.
- [2] Скрынников Р.Г. *Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века.* Ленинград, Изд-во Ленинградского университета, 1985, 327 с.
- [3] Морозова Л.Е. *Смута начала XVII в. глазами современников.* Москва, РАН. Институт российской истории, 2000, 464 с.
- [4] *Сношения России с Англией.* РГАДА, ф. 35, оп. 1, кн. 4.
- [5] *Сношения России с Польшей.* РГАДА, ф. 79, оп. 1, д. 6 (1610 г.).
- [6] *Кабардинские, черкесские и другие дела.* РГАДА, ф. 115, оп. 1, д. 4 (1614 г.).
- [7] *Сношения России с ногайскими татарами.* РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 3 (1604 г.).
- [8] Станиславский А.Л. *Гражданская война в России XVII века: Казачество на переломе истории.* Москва, Мысль, 1990, 270 с.
- [9] *Разрядный приказ.* РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 2.
- [10] *Большая советская энциклопедия. Т. 18.* Москва, Советская энциклопедия, 1953, 620 с.
- [11] Горсей Дж. *Записки о России. XVI — начало XVII в.* Москва, Изд-во Московского университета, 1990, 288 с.
- [12] *Временник Ивана Тимофеева.* Санкт-Петербург, Наука, 2004, 510 с.
- [13] Платонов С.Ф. *Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI — XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время).* Москва, 1937, 500 с.
- [14] Антонов Д.И. *Смута в культуре Средневековой Руси. Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века.* Москва, Российский государственный гуманитарный университет, 2009, 432 с.

- [15] *Сказание Авраамия Палицына*. Москва, Ленинград, 1955, 347 с.
- [16] Лисейцев Д.В. Временные границы Смуты. *Российская история*, 2012, № 5, с. 43–54.
- [17] Платонов С.Ф. *Москва и Запад в XVI–XVII веках. Борис Годунов*. Москва, Аграф, 1999, 286 с.
- [18] *Полное собрание русских летописей. Т. 14*. Санкт-Петербург, 1910, 155 с.
- [19] Крамми Р. «Конституционная реформа» в Смутное время. В кн.: *Американская русистика: Вехи историографии последних лет*. Самара, Самарский университет, 2001, с. 240–258.
- [20] Кобрин В.Б. Смутное время — утраченные возможности. В кн.: *История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX века*. Москва, Государственное издательство политической литературы, 1991, с. 163–185.
- [21] Ерошкин Н.П. *История государственных учреждений дореволюционной России*. Москва, Высшая школа, 1997, 358 с.
- [22] Павлов А.П. Приказы и приказная бюрократия (1584–1605 гг.). В кн.: *Исторические записки. Т. 116*. Москва, Наука, 1988, с. 187–227.
- [23] «Писанные законы России». Английское описание Московского государства конца XVI века. *ИА*, 1995, № 3, с. 191–201.
- [24] Лисейцев Д.В. *Приказная система Московского государства в эпоху Смуты*. Москва, Тула, Гриф и К, 2009, 792 с.
- [25] Лаврентьев А.В. *Царевич-царь-цесарь. Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали 1604–1606 гг.* Санкт-Петербург, Изд-во Дмитрий Буланин, 2001, 235 с.
- [26] Ульяновский В.И. *Россия в начале Смуты: очерки социально-политической истории и источниковедения. Ч. 1*. Киев, 1993, 368 с.
- [27] Лисейцев Д.В. Дипломатическая терминология в Московском государстве начала XVII столетия. В кн.: *Московия: специфика развития*. Будапешт, 2003, с. 104–115.
- [28] Павлов А.П. *Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.)*. Санкт-Петербург, Наука. Санкт-Петербургское отделение, 1992, 280 с.
- [29] Тюенцев И.О. *Смутное время в России начала XVII столетия: движение Лжедмитрия II*. Москва, Наука, 2008, 584 с.
- [30] Боярский список 1611 года. Издан Н.П. Лихачевым. *Сборник Археологического института. Т. VI*. Санкт-Петербург, 1895, 24 с.
- [31] Павлов А.П., ред. *Правящая элита Русского государства IX — начала XVIII в.: Очерки истории*. Санкт-Петербург, Береста, 2006, 548 с.
- [32] Рое М.Т. *Russian elite in the seventeenth century. Vol. 1*. Vammala, 2004, 470 p.
- [33] Попов Н.А., ред. *Акты Московского государства. Т. I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634*. Санкт-Петербург, Тип. Императорской академии наук, 1890, 802 с.
- [34] Черепнин Л.В. *Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв.* Москва, Наука, 1978, 418 с.
- [35] *Дворцовые разряды. Т. I. 1612–1628 гг.* Санкт-Петербург, Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1850, 656 с.
- [36] *Посольская книга по связям России с Англией 1614–1617 гг.* Москва, Институт российской истории РАН, 2006, 396 с.
- [37] Флоря Б.Н. *Польско-литовская интервенция в России и русское общество*. Москва, Индрик, 2005, 416 с.

- [38] *Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Т. 1.* Санкт-Петербург, 1859, 464 с.
- [39] Павлов-Сильванский Н.П. *Государевы служилые люди.* Москва, Крафт+, 2000, 288 с.

Статья поступила в редакцию 26.09.2016

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Лисейцев Д.В. Дискуссионные вопросы в истории Смуты начала XVII в. *Гуманитарный вестник*, 2016, вып. 9.
<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2016-09-388>

Лисейцев Дмитрий Владимирович — д-р истор. наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. Сфера научных интересов — история России XVI–XVII вв., Смутное время, история российской государственности и государственного бюджета XVII в. e-mail Liseitsev@mail.ru

Controversial issues in the history of Troubles in the beginning of the XVII century

© D.V. Liseytshev

Institute of the Russian History RAS, Moscow, 117036, Russia

The article considers controversial issues in the Time of Troubles history. It presents the analysis of the relevance of using the terms "peasant war", "intervention," "civil war" for describing the events of Russian history, of the XVII century beginning. According to the author, events of the Time of Troubles have failed to substantially change the nature of the Russian state system. The policy of strengthening the absolutist tendencies remained to be the main vector of its evolution.

Keywords: time of Troubles, the history of Russia of the XVII century, absolutism development.

REFERENCES

- [1] Kluchevskiy V.O. *Russkaya istoriya. Polnyy kurs lektsiy. Kn. 2* [Russian history. Full course of lectures. Book 2]. Moscow, Mysl Publ., 1995, 584 p.
- [2] Skrynnikov R.G. *Sotsialno-politicheskaya borba v Russkom gosudarstve v nachale XVII veka* [Socio-political struggle in the Russian state at the beginning of the XVII century]. Leningrad, Leningradskiy Universitet Publ., 1985, 327 p.
- [3] Morozova L.E. *Smuta nachala XVII v. Glazami sovremennikov* [Troubles at the beginning of the XVII century through the eyes of contemporaries]. Moscow, Institute of Russian History RAS, 2000, 464 p.
- [4] *Snosheniya Rossii s Angliyey* [Russia's relations with England]. Russian State Archive of Ancient Documents, stock 35, inventory 1, book 4.
- [5] *Snosheniya Rossii s Polshey* [Russia's relations with Poland]. Russian State Archive of Ancient Documents, stock 79, inventory 1, file 6 (1610).
- [6] *Kabardinskie, cherkesskie i drugie dela.* [Kabardian, Circassian and other matters]. Russian State Archive of Ancient Documents, stock 115, inventory 1, file 4 (1614).
- [7] *Snosheniya Rossii s nogayskimi tatarami* [Russia's relations with the Nogai Tatars]. Russian State Archive of Ancient Documents, stock 127, inventory 1, file 3 (1604).
- [8] Stanislavskiy A.L. *Grazhdanskaya vojna v Rossii XVII veka: Kazachestvo na perelome istorii* [The civil war in Russia of the XVII century: Cossacks at the turn of history]. Moscow, Mysl Publ., 1990, 270 p.
- [9] *Razryadnyy prikaz* [Order-in-charge prikaz]. Russian State Archive of Ancient Documents, stock 210, inventory 13, file 2.
- [10] *Bolshaya sovetskaya entsiklopediya. Tom 18.* [The Great Soviet Encyclopedia. Vol. 18]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1953, 620 p.
- [11] Horsey J. *The travels of Sir Jerome Horsey. Russia at the Close of the Sixteenth Century.* Bond E.A., ed. London, Hakluyt Society Publ., 1856. [In Russ.: Gorsey D. Zapiski o Rossii. XVI — nachalo XVII v. Moscow, Moscow university Publ., 1990, 288 p.].
- [12] *Vremennik Ivana Timofeeva* [Ivan Timofeev's annals]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, 510 p.
- [13] Platonov S.F. *Ocherki po istorii Smuty v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vv. (Opyt izucheniya obshchestvennogo stroya i soslovykh otnosheniy v Smutnoe*

- vremya) [Essays on the History of the Troubles in the Muscovite state of XVI–XVII centuries (The experience of studying the social structure and class relations in the Time of Troubles)]. Moscow, 1937, 500 p.
- [14] Antonov D.I. *Smuta v culture srednevekovoy Rusi. Evolutsiya drevnerusskikh mifologem v knizhnosti nachala XVII veka* [Troubles in the culture of medieval Rus. The evolution of ancient mythologemes in the booklore of the early XVII century]. Москва, Russian State University for the Humanities Publ., 2009, 432 p.
- [15] *Skazanie Avraamiya Palitsyna* [Abraham Palitsyn's legend]. Moscow, Leningrad, 1955, 347 p.
- [16] Liseyev D.V. *Rossiyskaya istoriya — Russian history*, 2012, no. 5, pp. 43–54.
- [17] Platonov S.F. *Moskva i Zapad v XVI–XVII vekakh. Boris Godunov* [Moscow and the West in the XVI–XVII centuries. Boris Godunov]. Moscow, Agraf publ., 1999, 286 p.
- [18] *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Tom 14* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 14]. St. Petersburg, 1910, 155 p.
- [19] Krammi R. “Konstitutsionnaya reforma” v Smutnoe vremya [“Constitutional reform” in the Time of Troubles]. In: *Amerikanskaya rusistika: vekhi istoriografii poslednikh let* [American russistics: milestones in the historiography of recent years]. Samara, Samara University Publ., 2001, pp. 240–258.
- [20] Kobrin V.B. Smutnoe vremya — utrachennye vozmozhnosti [Time of Troubles – lost opportunities] In: *Istoriya Otechestva: ludi, idei, resheniya. Ocherki istorii Rossii IX — nachala XX veka* [History of Russia: people, ideas, solutions. Essays on the history of Russia in the IX-the beginning of XX century]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury Publ., 1991, pp. 163–185.
- [21] Eroshkin N.P. *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevolutsionnoy Rossii* [The history of public institutions of pre-revolutionary Russia]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1997, 358 p.
- [22] Pavlov A.P. *Prikazy i prikaznaya burokratiya (1584–1605 gg.)* [Prikazes and Prikaz bureaucracy (1584–1605)]. In: *Istoricheskie zapiski. T. 116*. [Historical Records. Vol. 116]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 187–227.
- [23] “The Lawes of Russia Written”: An English Manuscript on Muscovy at the End of the Sixteenth Century. *Oxford Slavonic Papers. New Series*. Vol. 23. 1990. pp. 13–26 [In Russ.: “Pisanye zakiny Rossii”. Angliyskoe opisanie Moskovskogo gosudarstva kontsa XVI veka. *Istoricheskiy arkhiv — Historical archive*, 1995, no. 3, pp. 191–201].
- [24] Liseyev D.V. *Prikaznaya sistema Moskovskogo gosudarstva v epokhu Smuty* [Prikaz system in Muscovy in the era of the Troubles]. Moscow, Tula, Grif i K Publ., 2009, 792 p.
- [25] Lavrentyev A.V. *Tsarevich-tsar-tsesar. Lzhedmitriy I, ego gosudarstvennye pechati, nagradnye znaki i medali 1604–1606 gg.* [Tsarevich-Tsar-Cesar. False Dmitry I and his state seals, badges and medals 1604–1606]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2001, 235 p.
- [26] Ulyanovskiy V.I. *Rossiya v nachale Smuty: ocherki sotsialno-politicheskoy istorii i istochnikovedeniya. Ch. 1* [Russia at the beginning of the Troubles: Essays on the socio-political history and source study. Part I]. Kiev, 1993, 368 p.
- [27] Liseyev D.V. *Diplomaticheskaya terminologiya v Moskovskom gosudarstve nachala XVII stoletiya* [Diplomatic terminology in Muscovy of the early XVII century]. In: *Moskoviya: Spetsifika razvitiya* [Muscovy: development specifics]. Budapest, 2003, pp. 104–115.

- [28] Pavlov A.P. *Gosudarev dvor i politicheskaya borba pri Borise Godunove* (1584–1605 gg.) [Monarchic court and the political struggle at the time of Boris Godunov (1584–1605)]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1992, 280 p.
- [29] Tumentsev I.O. *Smutnoe vremya v Rossii nachala XVII stoletiya: dvizhenie Lzhedmitriya II* [The Time of Troubles in Russia of the XVII century beginning: the movement of False Dmitry II]. Moscow, Nauka Publ., 2008, 584 p.
- [30] Boyarskiy spisok 1611 goda [The list of boyars of 1611] In: *Sbornik Arkheologicheskogo instituta* [Collected works of the Archaeological Institute]. St. Petersburg, Likhachev N.P. Publ., 1895, 24 p.
- [31] Pavlov A.P. ed. *Pravyashchaya elita Russkogo gosudarstva IX — nachala XVIII v.: Ocherki istorii* [The ruling elite of the Russian state in IX — beginning of the XVIII century: Essays on the history]. St. Petersburg, Beresta Publ., 2006, 548 p.
- [32] Poe M.T. *Russian elite in the seventeenth century. Vol. I.* Vammala, 2004, 470 p.
- [33] Popov N.A., ed. *Akty Moskovskogo gosudarstva. T. I. Razryadnyy prikaz. Moskovskiy stol. 1571–1634* [The acts of the Muscovy. Vol. I. Order-in-charge Prikaz. Moscow Department. 1571–1634]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1890, 802 p.
- [34] Cherepnin L.V. *Zemskie sobory Russkogo gosudarstva v XVI–XVII vv.* [Zemsky sobors of Russian state in the XVI–XVII centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 418 p.
- [35] *Dvortsovye razryady. T. I. 1612–1628 g* [Palace ranks. Vol. I. 1612–1628]. St. Petersburg, II Branch of His Imperial Majesty's Own Chancellery Publ., 1850, 656 p.
- [36] *Posolskaya kniga po svyazyam Rossii s Angliyei 1614–1617* [Embassy book on relations between Russia and England 1614–1617]. Moscow, Institute of Russian History RAS, 2006, 396 p.
- [37] Florya B.N. *Polsko-litovskaya interventsia v Rossii i russkoe obshchestvo* [Polish-Lithuanian intervention in Russia and Russian society]. Moscow, Indrik Publ., 2005, 416 p.
- [38] *Skazaniya sovremennikov o Dmitrii Samozbantse. T. I* [Contemporaries' tales about Dmitry the Pretender. Vol. 1]. St. Petersburg, 1859, 464 p.
- [39] Pavlov-Silvanskiy N.P. *Gosudarevy sluzhilye ludi* [Sovereign service people]. Moscow, Kraft+ Publ., 2000, 288 p.

Liseytshev D.V., Dr. Sci. (History), Leading Research Scientist, Institute of Russian History RAS, research interests: history of Russia of XVI–XVII centuries, Time of Troubles, the history of the Russian state system and the state budget of the XVII century. e-mail: Liseytshev@mail.ru